

ОТЗЫВ

на диссертацию Цыденовой Натальи Владимировны
«Неолит – бронзовый век Западного Забайкалья (по материалам стоянок
Красная Горка, Ярцы Байкальские, Муханские Озера I)»,
представленную на соискание ученой степени
кандидата исторических наук по специальности
5.6.3. Археология (исторические науки)

Ввиду того, что основной областью моих интересов в течение последних десяти лет является неолит Байкальской Сибири, диссертационное сочинение Н. В. Цыденовой вызвало закономерный интерес. Особенно в части, касающейся проблем происхождения древнего гончарства и корреляции материалов Забайкалья и Прибайкалья, которые важны для понимания распространения и взаимодействий сообществ сибирских охотников-собирателей этого времени. Эти причины побудили меня внимательно ознакомиться с работой, после прочтения которой я пришел к выводу, что отзыв в данном случае просто необходим.

Актуальность исследования. Тема, представленной к защите работы Натальи Владимировны Цыденовой, вернее, ее заголовок, уже вызывает вопросы. С одной стороны, в нем сделана заявка на масштабное исследование неолита и бронзового века такой обширной территории, как Западное Забайкалье, с другой стороны, она здесь же ограничена материалами всего трех местонахождений, что ужестораживает. Тем не менее, следует отметить, что сама тематика, в широком смысле, достаточно актуальна. Неолит Забайкалья как в целом, так и Западной ее части, изучен плохо, но при этом является ключевым в решении проблем происхождения и эволюции индустрий клиновидных нуклеусов и гончарства. К наиболее актуальным темам, конечно, относятся хронологическая позиция и культурная атрибуция комплексов с древнейшей керамикой, которая до недавнего времени была известна в Забайкалье только по материалам раскопок местонахождений Усть-Каренга, Усть-Менза 1, Студеное 1 (возможно, Усть-Кяхта 3). Для них с некоторых пор стал использоваться термин «начальный неолит», но до сих пор делаются попытки оспорить их принадлежность к финалу плейстоцена. При этом этап начального неолита выглядит наиболее изученным на фоне более поздних голоценовых комплексов с керамикой, для которых нет ни надежных серий радиоуглеродных дат, ни адекватной атрибуции, за исключением, наверное, некоторых погребальных комплексов, хотя и в их отношении настоятельно требуется проведение новых исследований с использованием AMS-датирования.

Краткое содержание диссертации. Введение структурировано в целом в соответствии с рекомендациями по написанию квалификационных работ, обозначены основные требуемые пункты, такие как актуальность, объект, предмет, цель и задачи, территориальные и хронологические рамки, источниковая база, методика и методы, новизна, апробация, практическая значимость и основные положения исследования, выносимые на защиту.

Кроме того, дается краткая характеристика природно-климатических условий финала плейстоцена и голоцена рассматриваемого региона.

В главе 1 представлен обзор археологических исследований и современной изученности неолита и бронзового века Западного Забайкалья. Глава 2 полностью посвящена характеристике новых археологических комплексов с подробным описанием коллекций из раскопок трех местонахождений: Красная Горка, Ярцы Байкальские и Муханские Озера 1. Глава 3 фактически является обсуждением полученных результатов, где сделана попытка выделить разные этапы неолита – бронзового века и провести корреляцию с сопредельными территориями. В заключении подводятся основные итоги и предлагается новая культурно-хронологическая схема для неолита и бронзового века Западного Забайкалья.

Общая оценка. При всей, на первый взгляд, стройности структуры (по содержанию), на самом деле следить за логикой рассуждения Н. В. Цыденовой крайне сложно. Иногда непонятно, как она приходит к тем или иным выводам, а сумбурное повествование не всегда позволяет проверить аргументацию. Видно, что текст компоновался и переделывался в спешке, достаточно привести несколько примеров. Заявленная в главе 2 «краткая характеристика прородно-климатических условия финала плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья» (орфография автора – *И. Б.*), которая, видимо, изначально была там, перекочевала во введение (зачем, непонятно), при этом указание на нее осталось. Названия большинства разделов в содержании не соответствуют таковым в тексте. Встречаются повторы, это хорошо видно, по заключению. Множество опечаток, орфографических и грамматических ошибок также сильно портят общее впечатление от работы. Чего стоят, например, такие досадные опечатки, как «ранненеолитические материлы» (с. 5), «Яблоневиый хребет» (с. 8), «Познеглазковские находки» (с. 104) и уже упомянутая «характеристика прородно-климатических условия» (с. 54). Где-то пропущены слова и цифры, где-то нарушен стиль. Я пытался вести подсчеты, но сбился и понял, что это гиблое дело. Все это говорит о том, что соискатель довольно небрежно отнесся к окончательному варианту диссертации, тем самым проявив неуважение как к потенциальному читателю, так и к диссертационному совету. Остается загадкой, почему не была выполнена корректорская правка, но в таком виде публиковать текст в открытом доступе, конечно, нельзя.

После первого прочтения диссертации, оставившего тяжелое впечатление, я понял, что для вылавливания всех «блох», коих в этом тексте превеликое множество, описания всех несоответствий и неточностей в отзыве уйдет масса времени, и решил сосредоточиться на главном.

Если обращаться к введению, то здесь есть несколько основных вопросов и замечаний. В первую очередь озадачивает выбор хронологических рамок для проведения исследования. Хотелось понять, чем обусловлена такая их широта – от начального неолита, ассоциируемого с финальным плейстоценом (а на соседних территориях это поздний этап верхнего палеолита) до бронзового века, так как немногочисленные материалы

бронзового века на фоне более информативных неолитических комплексов выглядят так, будто они здесь только для увеличения объема диссертации. Возможно, они были включены лишь потому, что куда-то надо было куда-то присовокупить материалы из раскопок верхних горизонтов местонахождения Ярцы Байкальские? На мой взгляд, логичнее было ограничиться только неолитом, проблем которого хватило бы не на одну диссертацию, да и материалов тоже, если привлечь и тщательно проанализировать коллекции из раскопок XX в.

Объект и предмет исследования перепутаны местами, что, по моим наблюдениям очень распространенная элементарная ошибка у соискателей в последние годы.

Задачи сформулированы не совсем корректно, так как прежде, чем уточнять локальную культурно-хронологическую схему неолита – бронзового века Западного Забайкалья, следует сначала провести корреляцию с сопредельными территориями, где имеются типологически близкие материалы и комплексы. Это особенно важно, если каких-то данных недостаточно.

Есть также вопросы по характеристике территориальных рамок Западного Забайкалья и используемой терминологии. Я с удивлением узнал, что юго-западной его границей являются «хребты Восточно-Саянских гор». Это не совсем корректно, так как, во-первых, не Восточно-Саянские горы, а Восточный Саян, а во-вторых, юго-западной границей этого региона являются хребты Хамар-Дабан и Малый Хамар-Дабан. Кроме того, указанные во введении границы Западного Забайкалья никак не проиллюстрированы, а на рис. 1, например, показана только административная граница Республики Бурятии.

Странным выглядит помещение во введении небольшого раздела «Краткая характеристика природно-климатических условий финала плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья», о которой автор имеет весьма приблизительное представление. На мой взгляд, ему место во второй главе, откуда она и была, видимо, изъята. И здесь также наблюдаются неточности. В частности, время сартанского оледенения в Сибири на самом деле соответствует МИС 2 и началу МИС 1, если проводить его корреляцию с установленными границами морских изотопных стадий, а границей плейстоцена и голоцена по шкале некалиброванного радиоуглеродного возраста является дата приблизительно 10,3 тыс. л. н., а не 10 тыс. л. н., как заявлено. Голоцен, соответственно, также не полностью совпадает с МИС 1. Если оценивать этот раздел введения в целом, то он основан на данных всего из четырех источников и выглядит слабо проработанным.

В разделе «методика исследования», который занимает во введении почти восемь страниц, перечислены разные методы, как общенаучные, так и используемые преимущественно в археологии. Но основное внимание уделено методам анализа каменных артефактов и керамики. Видно, что автор знаком со многими методологическими разработками по этим направлениям, но, как следует далее из анализа текста, многие из них приведены здесь лишь для

справки или для «солидности». Кроме того, здесь представлены ссылки в основном на работы прошлого века (хотя можно привести примеры и более современных разработок). Я знаю, что многие из них широко используются до сих пор, но за последние 10–15 лет в области технико-типологического анализа камня и керамики сделано немало. Учитывая наличие в авторских материалах клиновидных форм нуклеусов, автору можно было обратить внимание на работу А.А. Василевского (2008), где доступно объясняются нюансы, сходство и отличия разных техник подготовки клиновидных нуклеусов на примере Сахалина и Японских островов. А обращаясь к типологии и хронологии керамики, можно заметить, что соискатель предлагает опираться в своем исследовании на давно устаревшую схему Н.А. Савельева 1989 г., невзирая на то, что она уже пересмотрена. О многих подходах в изучении камня и керамики автор, видимо, вообще не слышал.

История исследований, представленная в главе 1, наверное, является самой сильной частью работы. Видно, что автор собрал и обработал множество публикаций и в целом знаком с основными проблемами. Можно поспорить с принципами выделения этапов и структурой, но мне кажется, что эта дискуссия не принципиальна в рамках настоящего отзыва. Тем не менее, следует обратить внимание, что в этом разделе нет упоминания о том, что в 1989 г. на Посольской стоянке отрядом Иркутского государственного университета под руководством Аркадия Ахметовича Хамзина были проведены раскопки (в них посчастливилось поучаствовать и мне). В результате была получена интересная коллекция неолита – бронзового века и вскрыто одно погребение с сосудом усть-бельского типа. Публикаций, кроме каких-то тезисов в сборниках молодежных конференций, к сожалению, не было, но я уверен, что Наталья Владимировна знает об этом факте, как и о месте хранения коллекции, так как лет занималась обработкой материалов Посольской стоянки. Нет данных и о работах по изучению стратиграфии данного местонахождения, проведенных чуть позже отрядом ИГУ (Г.А. Воробьева, Н.Е. Бердникова, О.И. Горюнова, Н.В. Кулагина), хотя их результаты опубликованы.

На анализе главы 2, где дана характеристика материалов местонахождений Красная Горка, Ярцы Байкальские и Муханские Озера 1, не хотелось останавливаться подробно, но формат ее вызывает закономерный вопрос, зачем здесь приведено такое подробное описание находок? По формальным признакам это больше похоже на текст отчета в Отдел полевых исследований ИА РАН (не удивлюсь, если так оно и есть), в связи с чем напрашивается вывод, что это сделано с целью увеличения объема текстовой части. Наряду с детальным описанием археологических коллекций, бросается в глаза фактическое отсутствие анализа отложений в части их генезиса, который крайне важен для понимания характера культуросодержащих горизонтов, определения степени инситуности материалов и комплексов. Из текста данного раздела также довольно сложно понять, в какие годы проводились раскопки, сколько лет они велись, от какой организации, кто ими непосредственно руководил и кто принимал участие. Общую площадь

раскопок местонахождений Ярцы Байкальские и Муханские Озера 1 высчитывать предлагается читателю. Но это не главные проблемы данного раздела. В заключительной его части вдруг появляется небольшой абзац с выводами, и совершенно не ясно, на чем они основаны. Там приводятся аналоги охарактеризованным комплексам, их связи, говорится о длительном периоде существования в Забайкалье керамики посольского типа, определяется восточная граница распространения глазковской и хэнтэйской культур. Но как автор пришел к этим выводам, если в главе 2 хронология комплексов еще толком не определена, да и типология, в общем-то, не обсуждалась?

Самой слабой частью исследования является важнейший раздел диссертации (глава 3), посвященный культурно-хронологической характеристике неолита – бронзового века Западного Забайкалья и его корреляции с материалами сопредельных территорий. В заголовках параграфов также внезапно, как и выводы в предыдущей главе, появляются хронологические рамки для этапов рассматриваемого времени, то есть и здесь телега бежит перед лошадью. Некоторые вопросы вызывает технико-типологический анализ каменной коллекции местонахождения Красная Горка. Автор дает характеристику разных вариантов подготовки преформ нуклеусов (с. 106), из которой следует, что в качестве заготовок использовались не бифасы, а куски породы, желваки (а может, крупные отщепы или осколки?). Кстати, термин конкреция в данном случае неуместен. И тут же следует вывод, что эта технология не «юбецу в чистом виде» (с. 107). Но почему, собственно, мы должны думать по-другому? С чего вдруг вообще возникает дискуссия о технике юбецу, которую автор ведет сам с собой (началась она, кстати, в главе 2, с. 57)? Здесь действительно нет никаких признаков этой техники ни в чистом, ни в каком другом виде. При этом приводится противоречивое утверждение, что «технология расщепления нуклеусов ... имеет бифасиальную основу» (с. 106–107), хотя только что утверждалось, что бифасы не выступали в качестве заготовок. Бифасиальную основу, вернее компонент, имеет ассамбляж Каменной Горки, а не «технология расщепления». Далее процесс обсуждения материалов Красной Горки строится почему-то преимущественно в аспекте наличия/отсутствия бифасов в синхронных комплексах региона, их «юбецоидном» или «неюбицоидном» характере. Зачем?

Таких противоречий и нелогичных приемов в главе 3 предостаточно, но это не главная проблема обсуждения. Дело в том, что несмотря на заявленные во введении методы исследования, среди которых главное место занимают методы анализа камня и керамики, фактически отсутствует технологический анализ, а на первое место выходит типология и метод аналогий, и больше всего в этом отношении пострадали керамические материалы. Выводы о технологии гончарства, если внимательно читать текст диссертации, строятся не на технико-технологическом анализе и не на экспериментах, о которых заявлено во введении, а исключительно на умозрительных заключениях на основе визуального и крайне поверхностного анализа (мы даже не знаем,

использовался ли при этом микроскоп): где-то автору чудятся ленты (в том числе какие-то плоские), где-то соединение частей сосудов встык, где-то какой-то отошитель. Но в действительности ни один вывод об использовании того или иного технического приема при конструировании сосудов не проиллюстрирован, не аргументирован и не доказан. На с. 115, например, заявлено о проведении экспериментов, в результате которых автор приходит к определенным выводам, но при этом остается неизвестным, были ли они в действительности проведены, так как ни одной иллюстрации или ссылки в данном контексте не приводится. То есть читателю предлагается просто поверить на слово. На с. 129, где обсуждается технология изготовления шнуровых сосудов, судя по всему, хайтинских, мы видим, что автор совершенно незнаком с исследованиями в данной области. Во-первых, установлено, что хайтинские сосуды конструировались методом зонального лоскутного наклепа (Бердников и др., 2017а; Горюнова и др., 2017; Савельев, Уланов, 2019), а что касается возможности интерпретации следов выбивки и проката, то в действительности различить их довольно сложно, и часто отпечатки, остающиеся при выбивании сосуда шнуровой лопаткой, аналогичны таковым при прокатывании круглой палочкой со шнуром (Абрашина, 2017). А в пользу использования приема выбивания говорят негативы шнуров, фиксирующиеся в расслоениях строительных элементов (лоскутов) хайтинских сосудов (Бердников и др., 2017а; Бердников, Соколова, 2018; Савельев, Уланов, 2019). Эти замечания справедливы и для обсуждаемой ниже усть-бельской и посольской керамики. Во-вторых, шнуровые следы внутри хайтинских сосудов (вернее их негативы, позитивов никогда не наблюдалось) свидетельствуют об использовании не текстильного мешочка, а других шнуровых сосудов или их крупных фрагментов при выбивании (Бердников и др., 2015; Бердников, Соколова, 2018; Савельев, Уланов, 2019). Автору, чтобы найти ответы на многие вопросы, достаточно было обратиться к публикациям коллег из Иркутского государственного университета, которые активно работают в этом направлении на протяжении последних шести лет. Портит впечатление и недостаток профессиональной терминологии. В ряде случаев используются такие выражения обывательского характера, как «керамическое тесто», «толстостенный», «ленточная технология формовки» и т. п.

Обсуждение радиоуглеродных дат и данных по стабильным изотопам углерода и азота также вызывает множество вопросов, и главным образом это относится к серии, полученной для местонахождения Красная Горка (с. 107–108). Во-первых, наблюдается сильный разброс возраста проанализированных образцов, происходящих из одного культуросодержащего горизонта. Вместо тщательного анализа данной проблемы, автор начинает ссылаться на стратиграфию, снова предлагая просто поверить ему, что слои с археологическим материалом не нарушены (с. 108). Только как это проверить? Наличие в серии отдельных дат, указывающих на ранний и средний голоцен и портящих общее впечатление от якобы инситуности комплекса 2-го горизонта Красной Горки, в действительности свидетельствует о содержании в нем

разнородных в хронологическом отношении материалов, что, в свою очередь, может являться результатом их переотложения. И в этом конкретном случае надо было разобраться в генезисе отложений и попробовать выделить разные комплексы. Данные естественнонаучных анализов, в первую очередь таких важных, как радиоуглеродное датирование, должно сопровождаться корректной геоархеологической оценкой (Геоархеология в системе ... , 2021), которой мы в тексте не видим. Есть замечания и по интерпретации изотопного состава, который якобы указывает, что в сосудах готовилось мясо предположительно млекопитающих, а в одном случае, вероятно, водные ресурсы. Из диссертации неясно, как автор пришел к таким выводам, потому что отдельно это не обсуждается и не иллюстрируется. Но это, наверное, не так важно, потому что в любом случае делать выводы о составе пищи по показателям стабильных изотопов углерода и азота в пищевой корке сосудов некорректно, так они демонстрируют только общую картину и возможные варианты ее интерпретации. Достоверную информацию можно получить только в результате анализа липидных соединений и показателей стабильных изотопов углерода и азота в стеариновой и пальмитиновой кислотах (Кузьмин, 2017).

Нельзя не отметить также, что изучаемый в диссертации период обеспечен новыми AMS-датами крайне неравномерно. Если для начального неолита получено 12 новых определений, большинство которых хорошо коррелирует с многочисленными датами по другим древнейшим керамическим комплексам Забайкалья, то для более поздних этапов их в разы меньше. Конечно, были получены и ценные данные, например AMS-даты для местонахождения Харга 1, которые продемонстрировали неолитический возраст керамики, близкой к посольской (правда, она здесь не рассматривается). Но в целом корреляция новых и старых данных выглядит неубедительно, и главная причина тому, малое количество корректных дат для поздних этапов.

Но главным, по моему мнению, недостатком диссертации, от которого в итоге пострадала культурно-хронологическая концепция, является отсутствие адекватного сравнения среднеголоценовых комплексов Западного Забайкалья с материалами Байкало-Енисейской Сибири. А ведь культуры этого соседнего региона оказали значительное влияние на динамику исторических процессов к востоку от Байкала, о чем свидетельствуют находки хайтинских, посольских и усть-бельских сосудов. С самого начала прослеживается выборочный характер поиска подходящих аналогий, который приводит в итоге к ссылкам на сильно устаревшие данные. При этом полностью игнорируются результаты исследований, проведенных иркутскими археологами в последние годы. Для Байкало-Енисейской Сибири по материалам многослойных местонахождений разработана, по сути, новая культурно-хронологическая схема (Горюнова, Новиков, 2018; Хронология неолитической ... , 2020), основанная на нескольких десятках надежных AMS-дат (A freshwater ... , 2013; Новые радиоуглеродные данные ... , 2017; Angara – Southwest Baikal ... , 2017; Хронология неолитической ... , 2020). Каким образом разработанная

Н.В. Цыденовой схема соотносится с хронологией керамических комплексов Байкало-Енисейской Сибири? Ведь самые древние проявления хайтинской, посольской и усть-бельской керамики зафиксированы именно к западу от Байкала. А как она коррелирует со схемой, скорректированной с учетом пресноводного резервуарного эффекта, которая предложена для неолита Прибайкалья по результатам исследований могильников (Chronology of middle ... , 2016)? Ответов в диссертации мы не найдем. И нет никакого объяснения, почему эти данные не были привлечены для сравнения. Что это, простое незнание публикаций или намеренный поступок? Если первое, то это демонстрация непрофессионализма, если же второе, то это вообще нечто выходящее из ряда вон. В любом случае это недопустимо.

Отдельного внимания заслуживают иллюстрации, которые оформлены крайне небрежно. В частности, видно, что на разных рисунках могут дублироваться фотографии одного и того же предмета (рис. 6, 3; рис. 7, 1). Рисунки и фотографии одного артефакта также могут найтись в разных иллюстрациях (рис. 6, 7, 10; рис. 8, 5, 7; рис. 46–48), причем расположение проекций может быть разным. Таким же образом раскиданы рисунки и фотографии керамики (см. рис. 23 и 27). То есть автор не нашел почему-то времени подобающим образом их скомпоновать. Многие другие рисунки также оставляют желать лучшего. Общий вид на местонахождение Красная Горка не дает никакого представления о геоморфологических особенностях участка, рисунок разреза также абсолютно неинформативен, а его фотография отсутствует. Крайне желательно было отрисовать все нуклеусы. Для керамики, на мой взгляд, это необязательное требование, для нее достаточно фотографий, но они должны быть качественными, чего не скажешь о рис. 16, 17 (с фрагментами древних сосудов), и обязательно сопровождаться профилями, которые отсутствуют на рис. 52, 53, 58–65. Особо следует отметить реконструкцию керамического сосуда по пяти небольшим фрагментам без орнамента (рис. 17).

Я не могу назвать себя крупным специалистом в области бронзового века Байкальской Сибири, но учитывая тот непрофессионализм, с которым сталкиваешься, читая основную часть, посвященную неолиту, можно предположить, что и в этой части исследования не все так гладко, как представляется на первый взгляд. Есть, в частности, вопросы, связанные с выделением глазковской культуры (что вообще понимается под этим?), так называемой глазковской керамики, ее соотношения с комплексами рубчатой керамики бронзового века Байкальской Сибири, но боюсь ответов в настоящей диссертации мы не найдем.

Список перечисленных недостатков диссертации Н. В. Цыденовой не является исчерпывающим, но я считаю, что и этого достаточно для оценки. Следует отметить и достоинства проведенного исследования, к которым, безусловно, относится высокая степень самостоятельности работы (в том числе проведение собственных раскопок), значительно количество привлеченных источников по территориям Монголии, Китая и Японии, и проработанный в целом историографический обзор.

Выводы. Подводя краткий итог, можно сделать следующие выводы. Соискатель Н. В. Цыденова не справилась с поставленными задачами, хотя все перспективы для этого имелись. Диссертация совершенно не соответствует современному уровню изученности археологических культур Сибири. Непрофессиональный характер исследования обусловил появление культурно-хронологической концепции неолита – бронзового века Западного Забайкалья, которая основана по большей части на фрагментарных (в том числе, устаревших) данных и не согласуется с результатами подобных исследований, проведенных на соседней территории Байкало-Енисейской Сибири. Возможности теоретического и практического использования полученных результатов отсутствуют, как, собственно, и научная значимость.

Учитывая это, я, к своему глубокому сожалению, не могу рекомендовать диссертационному совету присудить Н.В. Цыденовой искомую степень, и считаю, что надо дать Наталье Владимировне еще немного времени, чтобы привести свою работу в порядок и снова выйти на защиту.

Заключение о соответствии диссертации критериям, установленным «Положением о присуждении ученых степеней»

Диссертация Н.В. Цыденовой по большей части соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям «Положением о присуждении ученых степеней», утвержденным Постановлением правительства РФ № 842 от 24 сентября 2013 г., в частности, пп. 10–14. Однако ввиду отсутствия научной и практической значимости и неполного соответствия п. 9 Положения, считаю, что ее автор не заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3. Археология (исторические науки).

Рецензент

Кандидат исторических наук по специальности 5.6.3. Археология (исторические науки), старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Иркутский государственный университет»

664003 г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1
тел. 8(3952)521533
e-mail: geoarch.isu@gmail.com

Бердников Иван Михайлович

04 марта 2022 г.

Список используемой литературы

Абрашина М. Е. Технический декор неолитических сосудов Байкальской Сибири по данным экспериментальных исследований // Современные проблемы изучения древних и традиционных культур народов Евразии. Новосибирск, 2017. С. 73–75.

Бердников И. М., Уланов И. В., Соколова Н. Б. Интерпретация следов в микрорельефе поверхности шнуровой керамики (юг Средней Сибири) // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Пекин, 2015. Т. 1. С. 34–41.

Бердников И. М., Уланов И. В., Соколова Н. Б. Неолитическое гончарство Байкало-Енисейской Сибири: технологические традиции в территориально-хронологическом контексте // *Stratum plus*. 2017. № 2. С. 275–300.

Бердников И. М., Соколова Н. Б. Шнуровая керамика в неолите Байкало-Енисейской Сибири: характеристика и хронометрия // Восток Азии: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия региона. 2018. С. 19–26. СПб., <https://doi.org/10.18411/ber-2018-03>

Василевский А. А. Каменный век острова Сахалин. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 2008. 412 с.

Геоархеология в системе археологических исследований на территории Байкальской Сибири / Н. Е. Бердникова, Г. А. Воробьева, И. М. Бердников, А. А. Щетников, И. А. Филинов, Е. А. Липнина, Д. П. Золотарев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54) С. 133–146. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-11>

Горюнова О. И., Новиков А. Г. Радиоуглеродное датирование керамических комплексов с поселений эпохи неолита побережья Байкала // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2018. № 51. С. 98–107.

Горюнова О. И., Соколова Н. Б., Новиков А. Г. Сравнительный анализ ранне-неолитической керамики с поселений побережья озера Байкал // The VIII International Academic Conference on “Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China”. Changchun, 2017. С. 98–101.

Кузьмин Я.В. Геоархеология: Естественнонаучные методы в археологических исследованиях. Томск: Издат. Дом ТГУ, 2017. 396 с.

Новые радиоуглеродные данные для неолитических комплексов многослойных местонахождений Тункинской долины и Приангарья / И. М. Бердников, Е. О. Роговской, Д. Н. Лохов, А. М. Кузнецов, С. А. Когай, Е. А. Липнина, Н. Е. Бердникова, Н. А. Савельев, Н. Б. Соколова, И. В. Уланов // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2017. Вып. 6. С. 220–230.

Савельев Н. А., Уланов И. В. Керамика раннего неолита мультислойчатого местонахождения Усть-Хайта (Южное Приангарье) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 29. С. 38–72. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2019.29.38>

Хронология неолитической керамики Байкало-Енисейской Сибири: основные идеи и новые данные / И. М. Бердников, О. И. Горюнова, А. Г. Новиков, Н. Е. Бердникова, И. В. Уланов, Н. Б. Соколова, М. Е. Абрашина, К. А. Крутикова, Е. О. Роговской, Д. Н. Лохов, С. А. Когай // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2020. Т. 33. С. 23–53. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2020.33.23>

Angara – Southwest Baikal / R. J. Losey, L. Fleming, T. Nomokonova, V. I. Bazaliiskii, A. M. Klemen'tev, N. A. Savel'ev // Holocene zooarchaeology of Cis-Baikal / ed. R. J. Losey, T. Nomokonova. Mainz : Nünnerich-Asmus Verlag Et Media, 2017. 144 p.

A freshwater old carbon offset in Lake Baikal, Siberia and problems with the radiocarbon dating of archaeological sediments: evidence from the Sagan-Zaba II site / T. Nomokonova, R. J. Losey, O. I. Goriunova, A. W. Weber // *Quaternary International*. 2013. Vol. 290/291. P. 110–125.

Chronology of middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect / A. W. Weber, R. J. Schulting, C. Bronk Ramsey, V. I. Bazaliiskii, O. I. Goriunova, N. E. Berdnikova // *Quaternary International*. 2016. Vol. 419. P. 74–98. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2015.12.003>